

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

А.Ю. Нестеров

Истина и польза в техническом мировоззрении

Нестеров Александр Юрьевич – доктор философских наук, доцент. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Российская Федерация, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34; e-mail: phil@ssau.ru

Текущее состояние технического развития человечества может быть охарактеризовано как переход к третьей искусственной среде обитания: первая искусственная среда манифестирует себя в машинах по переработке энергии, вторая – в машинах по переработке информации, третья – в автономных искусственных агентах, получающих сопоставимый с человеческим эпистемический и практический доступ к действительности. Располагаемый философией техники и в целом системной философией концептуальный аппарат описания проблем взаимодействия человека и среды, соотношения техники и науки восходит к Новому времени и ориентирован на положения дел, создаваемые в первой искусственной среде обитания. Вопросы о целеполагании, образе будущего, ответственности, возникающие при использовании машин по переработке информации, наталкиваются на теоретическую непроработанность и непрозрачность эпистемических и праксеологических практик второй и третьей сред обитания, на смешение онтологических порядков, условий возможности референции, на недопонимание конституирующей роли человека как субъекта, объединяющего разнородные слои реальности. Существенной актуальной проблемой философского знания является отсутствие единой, синтетической модели познания и деятельности, адекватной вызовам второй и третьей искусственных сред обитания. Цель исследования заключается в том, чтобы в рамках философии техники и «технического мировоззрения» (П.К. Энгельмейер) показать соотношение категорий истины и пользы, применяемых для фиксации и оценки целесообразной научной и технической деятельности. Методом исследования служит сопоставительный анализ работ классиков философии техники на фоне выполняемой средствами общей семиотики реконструкции спирали познания и деятельности. Согласно результатам исследования техническое мировоззрение содержит в себе в снятой форме научное, корреспондентская истинность знания является условием возможности полезного действия. Научная новизна исследования заключается в постановке проблемы пользы на фоне семантического понимания истины.

Релевантная научному мировоззрению условие-истинностная теория значения дополняется условие-полезностной: значение высказывания есть не только условие, при котором оно истинно, но и условие, при котором оно полезно, т.е. технически исполнимо. Критерий полезностной истинности теории – работоспособность построенных на ее объяснительных схемах артефактов.

Ключевые слова: польза, истина, техника, философия техники, техническое мировоззрение, рациональность, контингентность, искусственная природа, искусственное и естественное

Введение

Оценка возможностей решения проблем научно-технического развития, целеполагания и целереализации в условиях перехода от второй искусственной среды обитания человечества к третьей, в условиях распространения в жизненных мирах человека информационных машин, претендующих на автономный эпистемический и практический доступ к действительности, связана с выявлением содержания и структуры технического мировоззрения. Под мировоззрением понимается, как правило, используемый обществом язык описания действительности: способы выражения правилосообразности мироздания, систем поведенческих предписаний, постановки и решения философских вопросов. Более ста лет назад П. Энгельмейер предложил концепцию технического мировоззрения, ориентированного не на традиционные ценности истины, добра и красоты, но на ценность пользы [Энгельмейер, 2010]. Насколько можно судить, именно стремление к пользе определяет человеческую деятельность по преобразованию как среды обитания, так и собственно человека, хотя само понятие «польза» и по сей день не определено с достаточной отчетливостью [Gararov, 2022].

В техническом мировоззрении, в отличие от научного, религиозного или мифологического, ключевым моментом присутствия человека в мире является не рецепция (как познание, субъективация, восприятие, понимание, воссоздание, декодирование и т.п.), но проекция (как деятельность, объективация, творчество, техника, исполнение, созидание и т.п.). Фундаментальный характер приобретают вопросы о структуре, способах и содержании деятельности, о новизне, осуществляющей себя в открытии и изобретении, об управлении будущим. Вопросы и проблемы проективной деятельности являются – более сложными, нежели вопросы рецептивной деятельности, поскольку включают в себя последние в снятом виде. Примеры концептуализации технического мировоззрения в отечественной философии: постнеклассическая рациональность В.С. Степина [Степин, 2003], требующая внимания к последствиям применения деятельностного знания, эволюционный анализ инженерной деятельности В.Г. Горохова [Горохов, 2015], теория управления В.Е. Лепского [Лепский, 2021; Лепский, 2022]. В актуальных дискуссиях философии техники обсуждается концепция деятельностного знания А. Нордмана [Нордманн, 2022].

Структура данного исследования включает в себя на первом шаге выявление семиотической схемы познания и деятельности в виде рецептивной и проективной деятельности, на втором шаге – анализ соотношения необходимого

и случайного (контингентного) в проективной деятельности, в сфере искусственного. Поскольку всякое искусственное есть продукт рефлексии, выраженный средствами техники, постольку оно содержит в себе то или иное исторически конкретное представление об истине и путях ее практического осуществления. Третий шаг исследования заключается в экспликации рефлексивной природы семантической теории истины, четвертый – в постановке вопроса о пользе как условии возможности проективной или технической референции.

Рецептивная и проективная деятельность

Самоописание субъекта, т.е. выражение представлений человека о самом себе средствами естественного языка, фиксирует на первом шаге чувственно данное в виде объектов, на втором – способы учета чувственно данного системами грамматических и логических категорий в виде предметов, на третьем – способы рефлекторного и рефлексивного взаимодействия объектов и предметов в виде понятий. Восприятие, рассудок и разум – три инстанции сознания, осуществляющие себя и в рецептивной, и в проективной деятельности человека. Рефлексия над рецептивной деятельностью, над познанием, например, в репрезентационизме Э. Кассирера [Кассирер, 2002], показывает, что человек сначала воспринимает, затем переводит воспринятое в образы и слова, и лишь после этого соотносит воспринятое с образами и словами. Рефлексия над проективной деятельностью, над творчеством, разрабатываемая, начиная с Энгельмейера, показывает, что человек сперва схватывает разумную идею, затем переводит ее в рассудочные, интересубъективные образы или слова и в завершение акта творчества осуществляет ее в виде артефакта. Общая схема деятельности, из которой мы исходим, выглядит как рецептивно-проективная спираль, в которой субъект в процессах познания и творчества последовательно осваивает новые правила означивания и выражения в восприятии, рассудке и разуме, так что сам акт освоения этих правил трансформирует среду обитания человека, создает напряжение между знанием и незнанием, мыслимым и действительно возможным, естественным и искусственным.

В течение XX в. разрабатываются как минимум три подхода к пониманию ответа на вопрос, что такое деятельность: *технично-философский*, представленный сначала П.К. Энгельмейером [Энгельмейер, 2010; Энгельмейер, 2013], затем Ф. Дессауэром [Дессауэр, 2017; Дессауэр, 2022], ориентированный на рациональность цели и средства; *феноменологический*, формулируемый главным образом в контексте теории литературы в русле философии поступка М.М. Бахтина [Бахтин, 2003; Рымарь, 2016; Кораев, 2022] и философской герменевтики Г.-Г. Гадамера [Gadamer, 1990], ориентированный на коммуникативную рациональность; *общенаучный*, кодифицирующий субъект-объектную рациональность Нового времени [Лекторский, 1980; Каган, 1974; Кветной, 1974]. Важно, что теория деятельности на фоне теории познания позволяет с существенно большей ясностью сформулировать содержание и практическую значимость ряда фундаментальных философских проблем: проблему

порядка или законосообразности действительности, проблему истины, проблеме пользы.

Каждый из подходов по-своему задает модель рациональности, рационального действия, субъекта и способов его становления. Субъект-объектная рациональность вводит субъекта через способность различения внутреннего и внешнего, реальности субъективной и объективной, внутреннего мира субъекта (как личности, социальной структуры, в пределе – как абсолютного субъекта в смысле Гегеля) и внешнего мира природы или среды обитания, относительно которой субъект себя осознает таковым в процессах познания. Рациональность цели и средства вводит субъекта через способность ставить и решать проблемы. Системные процессы познания как субъективации, перевода внешних данных в релевантную для субъекта внутреннюю информацию осуществляются на разных уровнях, в минимальной модели познания это восприятие, рассудок и разум: наложение этих систем друг на друга, например, наложение выразительных возможностей языка на чувственно воспринимаемый мир, формирует границы, фиксируемые посредством вопросов и постановки проблем. Решение проблем требует творчества, способности производить эпистемически новое, вводить во внутренний мир сущности, отвечающие на вопросы и снимающие проблемы. Системная модель решения проблем как ситуация технического творчества формулируется П. Энгельмейером в теории трёхакта [Энгельмейер, 2010, с. 103] и Ф. Дессауэром в теории формообразующих способностей человека [Дессауэр, 2017, с. 86–87]: субъектность раскрывается через способность изобретения идеи (*homo investigator*), через способность выражения идеи в виде плана, чертежа, конструкции, иначе говоря, через создание текста на общедоступном языке (*homo inventor*), через способность изготовления в чувственно доступном внешнем мире новой вещи, искусственного объекта (*homo faber*).

Субъект-объектная рациональность и рациональность цели и средства комплементарны друг другу: вторая является обращением первой. Коммуникативная рациональность раскрывается в двух моделях: узкофеноменологическая вводит субъекта через рассудочную способность задать вопрос и принять или отклонить ответ на него [Патнэм, 2002, с. 263]. Это – рациональность диалога в человеческих сообществах, восходящая к Сократу и апеллирующая к навыку употребления естественных языков и зафиксированной в текстах памяти культуры, субъект конструируется в ней как обладающий рассудком собеседник на фоне той или иной традиции. В широкой или общей модели коммуникативной рациональности, разворачивающейся вследствие открытия в Новое время возможности диалога с природой, открытия универсальных правил понимания и интерпретации в универсальной герменевтике XVIII в. и общей семиотике XX в., субъект вводится через способность различения знакового и незнакового, которая влечет за собой распознавание и применение правил образования и преобразования знаков, правил обозначения. Субъект обнаруживает себя как участник семиозиса, отдающий себе отчет в правилосообразности, подчиненности прагматическим, синтаксическим и семантическим правилам процессов не только коммуникации, но и познания и деятельности.

Контингентность искусственного

Развертывание человеческой деятельности влечет замещение естественно-искусственным. Эпистемически разница между первым и вторым сформулирована Дессауэром: у естественных для человека «вещей» существование предшествует их сущности, а у искусственных – наоборот, знание человеком их сущности предшествует существованию [Дессауэр, 2017, с. 133–135]. С праксеологической точки зрения эта разница заключается в том, что естественные вещи не могут быть сделаны человеком, а искусственные – могут и делаются. В онтологической оптике различие между естественным и искусственным сводится к тому, изменен ли и, если да, то на каком уровне материального устройства мироздания порядок следования элементов, составляющих ту или иную вещь. Замещение естественного искусственным проявляется в целом в том, что за пределами естественной природы объекты обнаруживают себя как артефакты, символы – как инструменты [Шольц, 2020], описания – как инструкции и конструкции, объяснительные теории – как изобретения мысли. В описании искусственного эпистемологическая терминология уступает место праксеологической, деятельностной.

Как показывает анализ В.Г. Горохова, и научное, и техническое понимание действительности, начиная с Ренессанса, задается предельно конкретным представлением о «взаимосвязи между миром природным и миром искусственным», где «естественное – то, причина чего заключена в самой вещи, что происходит по определенному закону» [Горохов, 2015, с. 65]. Представление о контингентности естественного, сомнение в законосообразности мироздания [Мейясу, 2015; Мейясу, 2020], в его познаваемости человеческим умом влечет идею об изначальной, принципиальной ненадежности мироздания, техники, искусственных сред обитания, машин, в конечном счете дискредитирует объективное знание, подменяя его мнением или верой.

Однако мотив случайности, мотив иронии, если пользоваться языком теории литературы, оказывается уместен в сфере искусственного, в мире культуры. Мы действительно не знаем, как осуществляется представление в уме другого человека, и страх перед этим знанием о незнании выражаем с помощью образа голливудского и философского зомби, эпического зла у Г.Ф. Лавкрафта и т.п. Культурологические темы не являются предметом нашего исследования, понятно, что в массовой коммуникации всегда речь идет о сумме так или иначе срежиссированных реакций на те или иные технико-социальные положения дел. Тем не менее сфера искусственного – это сфера, в которой случайность, вероятность или неожиданность имеют место. По словам Ф. Рело, машина – «это соединение сопротивляющихся тел, устроенное так, чтобы принудить механические силы природы действовать для выполнения определенных движений» [цит. по: Горохов, 2015, с. 120], а техника как таковая, как определял Энгельмейер, – «искусство заставлять природные силы работать за удовлетворением потребностей человека» [цит. по: Там же, с. 68]. Всякий искусственный объект, как показывает Дессауэр, во-первых, историчен, т.е. был однажды создан человеком, введен изобретателем в среду обитания человека, во-вторых, финалистски упорядочен,

т.е. подчинен решению конкретной целевой задачи, в третьих, обработан человеком [Дессауэр, 2017, с. 90–92].

Каждый искусственный объект, следовательно, является продуктом самосознания человека, верифицируемым в проективной, технической деятельности. С середины XX в. искусственное распространяет себя не только на чувственно воспринимаемые объекты, но и на сферу рассудка, машины замещают не только мускульный труд, но и мыслительный. Случай и воля вмешиваются не в естественные законы, обеспечивающие функционирование мироздания, но в деятельность человека по применению этих законов: в целеполагание, в выбор средств целереализации, в формы выражения, в формы обработки.

Рефлексивная природа истины

Границы контингентности искусственной среды обитания определяются содержанием знания, содержанием субъективных представлений и содержанием возможного. Оппозиция знания и незнания, как она показана у Д.И. Дубровского [Дубровский, 1994], определяет характер рецептивной деятельности. Относительно любого рода положения дел человек эпистемически находится в одной из четырех ситуаций: допроблемной (незнание о незнании), проблемной (знание о незнании), интуитивной (незнание о знании) либо собственно в ситуации знания (знание о знании). Характер проективной деятельности определяется оппозицией представимого, или мыслимого, и возможного. Перед решением какой бы то ни было практической или теоретической проблемы человек находится в одной из четырех ситуаций: невысказано и невозможно, мыслимо и невозможно, невысказано и возможно, мыслимо и возможно [Nesterov, 2022; Нестеров, 2018]. На вопросы о критериях приемлемости того или иного утверждения как знания в эпистемологическом смысле отвечает собственно теория истины, на вопросы об исполнимости этого утверждения в прагматическом смысле – теория полезности.

Корреспондентская теория истины в версии условие-истинностной концепции значения [Лебедев, 2011; Лебедев, 2022] разворачивает идею М. Шлика и Л. Виттгенштейна, выраженную в тезисе о том, что смысл предложения заключается в методе его верификации [Stöltzner, Uebel, 2006, p. xxxi]. Истина как эпистемологический термин фиксирует цель деятельности познания: познание завершено, когда истина достигнута, т.е. определено значение искомого предложения. Поскольку под «предложением» имеется в виду грамматически корректная последовательность слов того или иного intersubjectively языка, т.е. та или иная конфигурация предметов рассудка, а «под условиями истинности» – референт, обозначаемый этой конфигурацией, постольку процедура определения значения оказывается даже для самого простого случая протокольного предложения рефлексией, выявляющей и фиксирующей в разумном понятии исторически конкретный (и тем самым контингентный относительно синтактики) способ соотнесения языка рассудка с чувственным восприятием. Для более сложных случаев и в целом для реальной коммуникативной практики нельзя забывать о том, что предложения языка обозначают и выражают не только факты восприятия, но и данные памяти, вымысла

и воображения, процессы рефлексии и доступные через рефлексивную синтаксические правила самого рассудка, иными словами, язык фиксирует и чувственное, и сверхчувственное, и способен обозначать и выражать в том числе и самое себя в метаязыковых построениях едва представимой сложности. Важно, что корреспондентская теория истины в версии позитивной условие-истинностной концепции значения позволяет фиксировать семантическое правило не только для сверхсложных отношений обозначения, осуществляемых рассудком, но и для восприятия и интеллекта как уровней осуществляемой сознанием репрезентации. Для чувственного восприятия категория значения раскрывается как парафраз вещи самой по себе, недоступной иначе, нежели посредством синтаксического смысла, явления, создаваемого нервной системой; для интеллекта – как осознаваемая или неосознаваемая модель референции или, другими словами, как модель субъекта, относительно которой осуществляется обозначение, снимается его произвольность, как модель, задающая границы референции, границы эпистемически представимого. Собственно контингентность референции полностью снимается в ситуациях самообозначения, т.е. в ситуации обозначения общезначимых правил семиозиса, в первую очередь синтаксических: для чувственного восприятия это законы природы, открываемые и подтверждаемые посредством измерительного эксперимента; для рассудка – законы логики, теории систем, кибернетики; для интеллекта – правилосообразность рефлексии, обеспечивающая возможность трансляции неэмпирической (в смысле Гегеля – религиозной, эстетической, философской) коммуникации. Объективная, не зависящая от субъекта согласованность или непротиворечивость обозначаемых через автокоммуникацию правил делает возможными научный поиск и научное познание в рамках когерентной теории истины. Фундаментальная сложность корреспондентской теории истины связана, насколько можно судить, с тем, что рефлексивные модели условий возможности, позволяющие тому или иному предложению иметь значение, различаются не только по слоям сознания (например, у физиков, логиков и философов), но и внутри каждого слоя.

Польза как условие возможности референции

Знание – это убеждение в истинностной, корреспондирующей реальности конфигурации сознания. Знание прагматично, оно наделяет человека способностью к творчеству, техническому действию, к осуществлению проекции собственных моделей в действительном мире, к исполнению желаний, достижению целей. Если истинность – это рецептивная характеристика знания, то полезность – его проективная характеристика, с одной стороны, подтверждающая его истинность, с другой – позволяющая знанию быть техническим, деятельностным. Если истина – это цель познания, то польза – цель творчества, раскрывающаяся как обращение истины, ее применение. Истинность той или иной теории, того или иного предположения в конечном счете заключается в работоспособности артефактов, построенных в соответствии с этой теорией, т.е. в полезности этой теории. Таково развертывание прагматической теории значения, сформулированной Ч.С. Пирсом [Пирс, 2000] и продемонстри-

рованной в феноменологической теории деятельности, например, Г.-Г. Гадамером в рассуждении о значении высказывания как применении этого высказывания [Gadamer, 1990, p. 346]. Если эпистемически значение предложения представляет собой условия, при которых оно истинно, то праксеологически значение предложения есть условия, при которых оно полезно.

Эпистемически и праксеологически понятия «истина» и «польза» задают последовательность операций сознания по рецептивной и проективной интерпретации реальности. В познании чувственное восприятие фиксирует фактические истины – объекты как смыслы истинностных значений реальности; рассудок фиксирует intersубъективные истины высказываний – предметы как смыслы предложений; разум фиксирует истины рефлексии – понятия и системы понятий как способы соотнесения объектов и предметов. В деятельности интеллектуальная истинность понятия раскрывается как полезность идеи – применимость той или иной новой мысли к решению вскрываемых в рецепции проблем; рассудочная истинность высказывания – в качестве полезности конструкции, плана, чертежа, повествовательной модели; чувственная истинность факта – в качестве полезности искусственного объекта, его способности выполнять заключенную в идее задачу. Рецептивно-проективная спираль познания и деятельности, представленная таким образом, оказывается правилосообразной репрезентацией, в части познания учитывающей системы существующих значений, в части деятельности – создающей новые значения. Существующие значения интерпретируются посредством субъективирующего понятия истины, создаваемых значения – посредством объективирующего понятия пользы.

Проективная интерпретация, полезностное исполнение идеи сначала в конструкции, затем в искусственном объекте, создает среды обитания человека, искусственную природу: сначала первого порядка, формируемую чувственными артефактами, искусственными объектами, затем – через артефакты рассудочного уровня, искусственные предметы – искусственную природу второго порядка. На наших глазах происходит становление искусственной природы третьего порядка, этот процесс связан с появлением интеллектуальных артефактов, искусственных понятий, или нечеловеческих форм рефлексии. Полезность как понятие фиксирует силу техники, как ее определил Дессауэр: сила техники – это исчислимое изменение естественного порядка следования элементов в артефакте [Дессауэр, 2017, с. 116–118]. В этом смысле полезность не содержит в себе какой-либо этической информации, речь идет сугубо о конфигурациях синтаксических правил, обеспечивающих работу нового артефакта. Объективное увеличение полезности есть то, что делает технику «силой, изменяющей мир» [Дессауэр, 2017; Дессауэр, 2022]. Даже если допустить контингентность «века техники», представить его в качестве случайного продукта человеческого самопознания в мире культуры, даже если ограничить модель интуиции, перехода интеллекта от рецептивно-истинностного режима функционирования в проективно-полезностный конструктивисткой интерпретацией, замыкающей категорию нового на пересборку имеющегося опыта и отрицающей всякий доступ человека к реальности мира идей в какой бы то ни было версии платонистской онтологии, нельзя отрицать неотменяемую, растущую сложность текущего состояния искусственной природы, вызванного полезностью технического.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует в рамках философии техники соотношение категорий «истина» и «польза». Обе используются для фиксации и оценки целесообразной научной и технической деятельности. Существенная разница между ними заключается в том, что истина является характеристикой познания, польза – характеристикой деятельности. Поскольку схема деятельности есть обращение схемы познания, постольку истинность как рецептивная характеристика знания является условием возможности полезности как проективной характеристики знания. Эпистемическая условие-истинностная теория значения дополняется прагматической условие-полезностной теорией значения: значение высказывания есть не только условие, при котором оно истинно, но и условие, при котором оно полезно, т.е. технически исполнимо.

Метод семиотической реконструкции, использованный в исследовании, позволяет видеть в истине и пользе осуществление семантического правила в слоях чувственного восприятия, рассудка и разума. Истина раскрывается как рецептивная интерпретация, требующая наличия фактов, о которых говорится в предложении; польза – как проективная интерпретация, требующая создания фактов, о которых говорится в предложении. Соотношение истины и пользы в интерпретационных моделях общей семиотики в настоящей статье намечено, исчерпывающее исследование этого вопроса выходит за рамки журнальной публикации.

Философия техники, рефлексия над технической деятельностью и техническим мировоззрением, осуществляемая в рамках общей семиотики, позволяют с достаточной ясностью формулировать эпистемологические и прагматические предпосылки. Техническое мировоззрение, ориентированное на пользу, влечет рост знания о процессах управления, на новом уровне сложности ставит классические вопросы социальной философии, например, вопросы о механизмах трансляции деятельностного знания в объективных условиях второй и третьей искусственной природы, о субъектности социальных структур, о системах коммуникации внутри этих структур, о социальном прогрессе. Прогресс может быть определен как рост полезности или, другими словами, как рост числа истинных предложений, обеспечивающих исполнимость идей в восприятии, рассудке и интеллекте. Культура как механизм небиологического наследования деятельностного знания вследствие прогресса претерпевает колоссальную трансформацию, связанную с измененными требованиями искусственной среды не только к состоянию физического тела и навыкам мышления, но и к состоянию и навыкам применения памяти, воображения, рефлексии.

В качестве завершения рассуждения отметим, что достижение соразмерности человеческого целеполагания, системы этики и технического развития при актуальном состоянии социальных систем, реальном и обсуждаемом состоянии естественного и искусственного вряд ли возможно. Объективный рост полезности, увеличение силы техники требуют переосмысления взаимодействия человека и среды, искусственного и естественного, в конечном счете – включения вопросов этики в анализ истинности и полезности того или

иного акта целереализации. Естественное необходимо, искусственное есть контингентно введенное в социум измененное естественное, таким образом, социум на всех уровнях всегда несет в себе снятую естественную необходимость. Этика же, понимаемая только как система сугубо человеческих систем отношений, в рамках технического мировоззрения теряет практический смысл до тех пор, пока она не в состоянии учитывать естественные физические, биологические, психические, социальные и духовные закономерности в той или иной иерархии, включающей в себя всех известных и доступных человеку партнеров по диалогу. Это существенный вызов, выраженный в том числе и в кризисе моделей цивилизационного развития [Розин, 2021], усугубляемом наступающей третьей искусственной природой. Синтетические системы когерентного рецептивно-проективного знания, включающие в себя и технику, и этику, были реализованы в осевое время, начало XX в. демонстрирует ряд подобных попыток; актуальное же отсутствие синоптической, «искусственно-естественной» [Горохов, 2015, с. 69] картины мира, с одной стороны, никак не влияет на объективный рост доступной отдельному человеку и разноуровневым социальным субъектам полезности, но, с другой – не создает и какой-либо перспективы разрешения усугубляющихся глобальных противоречий между истиной, пользой, красотой и добром.

Список литературы

- Бахтин, 2003 – *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. 958 с.
- Горохов, 2015 – *Горохов В.Г.* Эволюция инженерии от простоты к сложности. М.: ИФ РАН, 2015. 199 с.
- Дессауэр, 2017 – *Дессауэр Ф.* Спор о технике / Пер. с нем. А.Ю. Нестерова. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.
- Дессауэр, 2022 – *Дессауэр Ф.* Человек и космос. Опыт / Пер. с нем. А.Ю. Нестерова. Самара: ООО «Самарама», 2022. 194 с.
- Дубровский, 1994 – *Дубровский Д.И.* Обман: философско-психологический анализ. М.: ИздРЭИ, 1994. 120 с.
- Каган, 1974 – *Каган М.С.* Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. 328 с.
- Кассирер, 2002 – *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 1. Язык / Пер. с нем. А.Н. Малинкина, С.А. Ромашко. М.; СПб: Университетская книга, 2002. 272 с.
- Кветной, 1974 – *Кветной М.С.* Человеческая деятельность: сущность, структура, типы (социологический аспект). Саратов: Издательство Саратовского университета, 1974. 224 с.
- Кораев, 2022 – *Кораев Г.Т.* Реконструкция проекта первой философии М.М. Бахтина. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Калининград, 2022. URL: http://www2.rsuh.ru/binary/2641676_82.1673857060.55469.pdf (дата обращения: 04.08.2023).
- Лебедев, 2011 – *Лебедев М.В.* Значение, истина, обоснование. М.: Либроком, 2011. 368 с.
- Лебедев, 2022 – *Лебедев М.В.* Стабильность языкового значения. М.: URSS, 2022. 168 с.
- Лекторский, 1980 – *Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. 358 с.
- Лепский, 2021 – *Лепский В.Е.* Рефлексивность в управлении социальными системами (философско-методологический анализ) // *Философия науки и техники.* 2021. Т. 26. № 2. С. 127–147.

- Лепский, 2022 – *Лепский В.Е.* Философско-методологические основания постнеклассической кибернетики третьего порядка // Вопросы философии. 2022. № 8. С. 211–215.
- Мейясу, 2015 – *Мейясу К.* После конечности: Эссе о необходимости контингентности / Пер. с фр. Л. Медведевой. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
- Мейясу, 2020 – *Мейясу К.* Метафизика и вненаучная фантастика / Пер. с фр. Н. Архипова. Пермь: Гиле Пресс, 2020. 80 с.
- Нестеров, 2018 – *Нестеров А.Ю.* Исполнение в семиотике техники // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 3. С. 111–118.
- Нордманн, 2022 – *Нордманн А.* Деятельностное знание или: How to express things in works? // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2. № 1. С. 16–22.
- Патнэм, 2002 – *Патнэм Х.* Разум, истина, история / Пер. с англ. Т.А. Дмитриева и М.В. Лебедева. М.: Праксис, 2002. 296 с.
- Пирс, 2000 – *Пирс Ч.С.* Как сделать наши идеи ясными / Пер. с англ. Т. Дмитриева // *Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. С. 266–295.
- Розин, 2021 – *Розин В.М.* Экзистенциальные вызовы современности и направление их решения // Культура и искусство. 2021. № 1. С. 12–21.
- Рымарь, 2016 – *Рымарь Н.Т.* Поэтика границы в литературе. Эстетические и поэтологические аспекты проблемы границы как феномена художественного языка. Седелъце: Естественно-гуманитарный университет, 2016. 336 с.
- Степин, 2005 – *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 744 с.
- Шольц, 2020 – *Шольц Г.* Символы и орудия труда. Основы культуры у Шлейермахера и Кассирера // Пятые Лемовские чтения: сб. материалов Международной научной конференции памяти Станислава Лема / Отв. ред. А.Ю. Нестеров. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. С. 134–148.
- Энгельмейер, 2010 – *Энгельмейер П.К.* Теория творчества. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 208 с.
- Энгельмейер, 2013 – *Энгельмейер П.К.* Философия техники. СПб.: Лань, 2013. 96 с.
- Gadamer, 1990 – *Gadamer H.-G.* Wahrheit und Methode. Tübingen: J.E.B. Mohr (Paul Siebeck), 1990. 495 S.
- Gaparov, 2022 – *Gaparov I.A.* The Concept of Utility: The Role of Utilitarianism in Formation of a Technological Worldview // Technology, Innovation and Creativity in Digital Society / Ed. by D. Bylieva, A. Nordmann. Cham: Springer, 2022. P. 127–138.
- Nesterov, 2022 – *Nesterov A.Y.* Cosmos and Metacosmos in Dessauer's Philosophy of Technology: Inventing the Environment // Technology, Innovation and Creativity in Digital Society / Ed. by D. Bylieva, A. Nordmann. Cham: Springer, 2022. P. 22–33.
- Stöltzner, Uebel, 2006 – *Stöltzner M., Uebel T.* Wissenschaftliche Weltauffassung. Der Wiener Kreis // Wiener Kreis. Texte zur wissenschaftlichen Weltauffassung von Rudolf Carnap, Otto Neurath, Moritz Schlick, Philipp Frank, Hans Hahn, Karl Menger, Edgar Zilsel und Gustav Bergmann. Hamburg: Meiner, 2006. S. IX–CIV.

Truth and utility in the technical worldview

Alexander Yu. Nesterov

Dr. phil. habil., Associate Professor, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation, e-mail: phil@ssau.ru

The current state of the technical development of mankind can be characterized as a transition to the third artificial environment: the first artificial environment manifests itself in energy processing machines, the second – in information processing machines, the third – in autonomous artificial agents that receive epistemic and practical access to reality

comparable to human. The conceptual apparatus of describing the problems of interaction between man and the environment, the relationship between technology and science, which is located in the philosophy of technology and in general systemic philosophy, dates back to the New Age and is focused on the state of affairs created in the first artificial habitat. Questions about goal-setting, the image of the future, responsibility that arise when using information processing machines run into the theoretical lack of elaboration and opacity of the epistemic and praxeological practices of the second and third habitats, the confusion of ontological orders, the conditions for the possibility of reference, the misunderstanding of the constitutive role of a person as a subject, uniting heterogeneous layers of reality. A significant current problem of philosophical knowledge is the lack of a unified, synthetic model of cognition and activity adequate to the challenges of the second and third artificial habitats. The purpose of the study is to show the ratio of the categories of truth and utility used to fix and evaluate expedient scientific and technical activities within the framework of the philosophy of technology and the “technical worldview” (P.K. Engelmeyer). The research method is a comparative analysis of the works of the classics of the philosophy of technology against the background of the reconstruction of the spiral of cognition and activity carried out by means of general semiotics. The results of the study fix the state of affairs, according to which the technical worldview contains the scientific one in its removed form, the correspondent truth of knowledge is a condition for the possibility of a useful action. The scientific novelty of the study lies in the formulation of the problem of benefit against the background of a semantic understanding of truth. Relevant to the scientific worldview, the condition-truth theory of meaning is supplemented by the condition-utility: the meaning of a statement is not only the condition under which it is true, but also the condition under which it is useful, that is, technically feasible. The criterion of useful truth of a theory is the efficiency of artifacts built on its explanatory schemes.

Keywords: utility, truth, technology, philosophy of technology, technical worldview, rationality, contingency, artificial nature, artificial and natural

References

- Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [Collected works], 7 vols, vol. 1. Moscow: Russkie slovari Publ., 2003. 958 pp. (In Russian)
- Cassirer, E. *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of Symbolic Forms], Vol. 1. *Yazyk* [Language], trans. by A.N. Malinkin, S.A. Romashko. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2002. 272 pp. (In Russian)
- Dessauer, F. *Chelovek i kosmos. Opyt* [Man and cosmos. Experience], trans. by A.Yu. Nesterov. Samara: OOO «Samarama» Publ., 2022. 194 pp. (In Russian)
- Dessauer, F. *Spor o tekhnike* [The dispute about technology], trans. by A.Yu. Nesterov. Samara: Izdatel'stvo Samarskoi gumanitarnoi akademii, 2017. 266 pp. (In Russian)
- Dubrovskii, D.I. *Obman: filosofsko-psikhologicheskii analiz* [Deception: philosophical and psychological analysis]. Moscow: Izd-vo «REI» Publ., 1994. 120 pp. (In Russian)
- Engelmeyer, P.K. *Filosofiya tekhniki* [Philosophy of technology]. St. Petersburg: Lan' Publ., 2013. 96 pp. (In Russian)
- Engelmeyer, P.K. *Teoriya tvorchestva* [Theory of creativity]. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM» Publ., 2010. 208 pp. (In Russian)
- Gadamer, H.-G. *Wahrheit und Methode*. Tübingen: J.E.B. Mohr (Paul Siebeck), 1990. 495 S.
- Gaparov, I.A. “The Concept of Utility: The Role of Utilitarianism in Formation of a Technological Worldview”, *Technology, Innovation and Creativity in Digital Society*, ed. by D. Bylieva, A. Nordmann. Cham: Springer, 2022, pp. 127–138.

Gorokhov, V.G. *Evolutsiya inzhenerii ot prostoty k slozhnosti* [The evolution of engineering from simplicity to complexity]. Moscow: IF RAN, 2015. 199 pp. (In Russian)

Kagan, M.S. *Chelovecheskaya deyatel'nost' (Opyt sistemnogo analiza)* [Human activity (Experience in system analysis)]. Moscow: Politizdat Publ., 1974. 328 pp. (In Russian)

Koraev, G.T. *Rekonstruktsiya proekta pervoi filosofii M.M. Bakhtina* [Reconstruction of the project of the first philosophy of M.M. Bakhtin]. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filosofskikh nauk. Kaliningrad, 2022. http://www2.rsuh.ru/binary/2641676_82.1673857060.55469.pdf (accessed on 04.08.2023). (In Russian)

Kvetnoi, M.S. *Chelovecheskaya deyatel'nost': sushchnost', struktura, tipy (sotsiologicheskii aspekt)* [Human activity: essence, structure, types (sociological aspect)]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta Publ., 1974. 224 pp. (In Russian)

Lebedev, M.V. *Stabil'nost' yazykovogo znacheniya* [Stability of linguistic meaning]. Moscow: URSS Publ., 2022. 168 pp. (In Russian)

Lebedev, M.V. *Znachenie, istina, obosnovanie* [Meaning, truth, justification]. Moscow: Librokom Publ., 2011. 368 pp. (In Russian)

Lektorskii, V.A. *Sub'ekt, ob'ekt, poznanie* [Subject, object, cognition]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 358 pp. (In Russian)

Lepskii, V.E. "Filosofsko-metodologicheskie osnovaniya postneklassicheskoi kibernetiki tret'ego poriyadka" [Philosophical and methodological foundations of post-non-classical cybernetics of the third order], *Voprosy filosofii*, 2022, no. 8, pp. 211–215. (In Russian)

Lepskii, V.E. "Refleksivnost' v upravlenii sotsial'nymi sistemami (filosofsko-metodologicheskii analiz)" [Reflexivity in the management of social systems (philosophical and methodological analysis)], *Philosophy of science and technology*, 2021, vol. 26, no. 2, pp. 127–147. (In Russian)

Meillassoux, K. *Metafizika i vnauchnaya fantastika* [Metaphysics and non-science fiction], trans. by N. Arkhipov. Perm: Gile Press Publ., 2020. 80 pp. (In Russian)

Meillassoux, K. *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency], trans. by L. Medvedeva. Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyi uchenyi Publ., 2015. 196 pp. (In Russian)

Nesterov, A.Yu. "Cosmos and Metacosmos in Dessauer's Philosophy of Technology: Inventing the Environment", *Technology, Innovation and Creativity in Digital Society*, ed. by D. Bylieva, A. Nordmann. Cham: Springer, 2022, pp. 22–33.

Nesterov, A.Yu. "Ispolnenie v semiotike tekhniki" [Execution in the semiotics of technology], *Humanitarian Vector*, 2018, vol. 13, no. 3, pp. 111–118. (In Russian)

Nordmann, A. "Deyatel'nostnoe znanie ili: How to express things in works?" [Activity knowledge or: How to express things in works?], *Semiotic studies*, 2022, vol. 2, no. 1, pp. 16–22. (In Russian)

Pierce, Ch.S. "Kak sdelat' nashi idei yasnymi" [How to make our ideas clear], trans. by T. Dmitriev, in: Ch.S. Pierce, *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Moscow: Logos Publ., 2000, pp. 266–295. (In Russian)

Putnam, H. *Razum, istina, istoriya* [Reason, Truth, History], trans. by T.A. Dmitriev, M.V. Lebedev. Moscow: Praksis Publ., 2002. 296 pp. (In Russian)

Rozin, V.M. "Ekzistentsial'nye vyzovy sovremennosti i napravlenie ikh resheniya" [Existential challenges of our time and the direction of their solution], *Culture and Art*, 2021, no. 1, pp. 12–21. (In Russian)

Rymar, N.T. *Poetika granitsy v literature. Esteticheskie i poetologicheskie aspekty problemy granitsy kak fenomena khudozhestvennogo yazyka* [Poetics of the border in literature. Aesthetic and poetological aspects of the border problem as a phenomenon of artistic language]. Sedelce: University of Natural Sciences and Humanities Publ., 2016. 336 pp. (In Russian)

Scholtz, G. "Simvoly i orudiya truda. Osnovy kul'tury u Shleiermakhera i Kassirera" [Symbols and tools. Fundamentals of culture in Schleiermacher and Cassirer], *Pyatye Lemovskie*

chteniya [Fifth Lemovsky Readings]. Proceedings of the International scientific conference in memory of Stanislav Lem, ed. by A.Yu. Nesterov. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya Publ., 2020, pp. 134–148. (In Russian)

Stepin, V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2003. 744 pp. (In Russian)

Stöltzner, M., Uebel, T. “Wissenschaftliche Weltauffassung. Der Wiener Kreis”, *Wiener Kreis. Texte zur wissenschaftlichen Weltauffassung von Rudolf Carnap, Otto Neurath, Moritz Schlick, Philipp Frank, Hans Hahn, Karl Menger, Edgar Zilsel und Gustav Bergmann*. Hamburg: Meiner, 2006, pp. IX–CIV.